Анна Ахматова
ЭЛИЗАБЕТ
БАРИЙЕ
Ахматова
и Модильяни
Предчувствие любви

Элизабет Барийе

Ахматова и Модильяни. Предчувствие любви

Серия «Великие имена. Проза известных людей и о них»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17071649
Барийе, Элизабет. Ахматова и Модильяни. Предчувствие любви: Издательство «Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-84415-9

Аннотация

Эта история началась в далеком 1910 году в Париже, где бурлила жизнь, где в кафе на Монмартре собирались и горячо спорили об искусстве те, кто потом составит славу мировой литературы и живописи.

Именно здесь впервые встретились юная Анна Ахматова и Амедео Модильяни. Именно здесь начался их роман. Роман необычных людей – она красавица с гордым профилем, которая не сомневается, что станет известным поэтом. Он – молодой, порывистый, чья жизнь уже отдана искусству.

Элизабет Барийе рассказывает красивую историю любви двух талантливых людей. Возможно, не все детали, ею описанные, достоверны. Но как же хочется верить, что все это было на самом деле!

Содержание

Узнавание 5
Встреча 8
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Элизабет Барийе
Ахматова и Модильяни. Предчувствие любви

…все, что происходило, было
для нас обоих предысторией нашей жизни:
его – очень короткой, моей – очень длинной.
Дыхание искусства еще не обуглило,
не преобразило эти два существования,
это должен был быть светлый,
легкий, предрассветный час.
Анна Ахматова

То, что я любил, сохранил я это в себе или нет, я буду любить всегда.
Андре Бретон

Élisabeth Barillé
UN AMOUR A L'AUBE
© Editions Grasset & Fasquelle, 2014
© Петрова Ася, перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Узнавание

Голова женщины, известняк, 64 см, выполнена примерно в 1910–1912 годы. Подпись: Модильяни. Аукционный дом «Кристис» зарегистрировал лот под номером 24 для парижских торгов 14 июня 2010 года, начальная цена – шесть миллионов евро. Модильяни ушел из жизни в тридцать шесть лет и оставил после себя только двадцать семь скульптур. Семнадцать из них хранятся в лучших музеях мира[1]. Десять скульптур по-прежнему пребывают в частных коллекциях. Произведение, представленное на аукционе, с 1927 года принадлежит Гастону Леви, основателю супермаркетов Monoprix, и выставляется впервые.

Появление в зале этой удивительной скульптуры лишает присутствующих дара речи. И действительно – какими словами встречать великое творенье? Как выразить свое отношение к его присутствию – неизбежному и случайному? «Инопланетянин, сфинкс и Богородица в одном лице», – сказал бы Бодлер нашего времени. Есть ли в зале хоть один Бодлер? Хоть один искатель вдохновения, поклонник невозможного и прекрасного? Или все сидящие на неудобных стульях – сплошные счетоводы, занятые оценкой в евро, в долларах, в фунтах, в швейцарских франках, в иенах, в юанях, в долларах США и Гонконга возможной прибыли, смысла вложения и целесообразности исполнения желания?

Начинаются торги, а в зале давящая тишина словно опутывает всех присутствующих, не дает вздохнуть. И с чем она связана – непонятно. Покупатели бледнеют, калькуляторы в их руках трясутся, пытаясь оценить бесценное. Некоторые, повесив нос, разочарованно капитулируют. Они думают – за их спинами невероятный везунчик, судьбоносный победитель. В лучшем мире он сможет построить на выигранную сумму целую больницу: 43 180 000 без налогов. Самые потрясающие торги во Франции, во всяком случае, что касается произведения искусства.

Я не была свидетельницей происходившего в зале, но как-то раз недавно я была у терапевта, а он на журнальном столике держал каталоги аукционов – наверное, считал, что это придает лоску, так вот, я прочитала на обложке одного из каталогов фразу, которая меня заворожила: «Всё – тайна».

Потому что я узнаю этот лоб, шею, профиль, я узнаю единственную и неповторимую женщину из плоти и крови. Эта женщина обладает телом, жизнью, историей, чья сила, как и у Модильяни, во многом выросла из трагедии. Я вдруг вспоминаю имя времен своей молодости, имя на кириллице, имя из русских и советских книг, привезенное во Францию издалека. В ту эпоху разница между людьми могла воздвигнуть стену. В нашей семье сложилось иначе. Белая Россия моего дедушки, сосланного во Францию в 1920 году, делила одну крышу с советской, красной Россией, где та, которую мой дедушка имел безумство в 1963-м вывезти во Францию, чтобы жениться по православному обычаю, прожила пятьдесят лет. Маленькая Женя. Ребенок, родившийся при Николае II, юница при Ленине, зрелая женщина при Сталине и Хрущеве. Судьба подчинилась Истории, и, чтобы хоть как-то вписать ее в западную жизнь, понадобились чемоданы, тюки, набитые книгами, дорогими гравюрами, великими сочинениями, которые перетаскивали на своих плечах закаленные советские граждане.

Оригинальное звучание этой фамилии казалось мне не очень русским, скорее татарским; оно ассоциировалось у меня с дюнами, с пустыней, особенно когда я вслух его произносила.

---

[1] Фонд Барнса в Мерионе, штат Пенсильвания, музей Соломона Гуггенхайма и Нью-Йоркский музей современного искусства, Художественный музей Филадельфии, Институт искусств Миннеаполиса, Музей искусств Фогга Гарвардского университета, галерея Тейт в Лондоне, Государственный художественный музей Карлсруэ в Германии, Национальная галерея Австралии в Канберре, Национальный центр искусства и культуры имени Жоржа Помпиду в Париже, Музей современного искусства метрополии Лилля в парке Вильнёв-д'Аск. – *Прим. авт.*

Ахматова.

Ее имя даже не значилось в каталоге. И тем не менее его нельзя было произносить отдельно от имени скульптора, который мечтал стать великим и чьи работы выставлялись в Париже осенью 1912 года. Эксперт по продажам считал, впрочем, что высокомерная матрона, будто стоящая лицом к ветру, плод больного воображения художника. Автор каталога называет женщину дубликатом Нефертити. Могла ли я оспорить это клише?

Я решилась на это лишь 14 июля 2010 года, не в Париже, а в Санкт-Петербурге, точнее на Фонтанке, в Доме-музее Ахматовой. Надо же, столько раз побывать в России и ни разу до нее не добраться, думала я. Я шла по гранитной набережной, сверкавшей под каплями дождя; воспоминания смешивались с упреками: прекрасные книги в переплете, восторженный ребенок, затихший перед неведомыми страницами и странами, лицеистка, влюбленная в русский язык, потому что – так надо и она этого хочет. Я представляла двуязычное издание, купленное на улице дез Эколь, «Поэты Серебряного века» – неожиданный всплеск новых голосов в России 1900-х. Стихотворения Гумилева, ученые, загадочные; напряженный тембр Мандельштама; юношеские дерзкие стихи Ахматовой, ее горделивые элегии зрелого возраста. Анна-голубка, Ахматова-орлица. Героическая Анна Ахматова. Вспоминаю о ее горестях запрещенной поэтессы-затворницы, о ее материнских муках, о ее едкой иронии, о ее красоте, удивительной, одухотворенной красоте, перед которой недостатки – и кривой нос, и чересчур длинная шея – казались ничтожными. Высокомерная красота, дарованная свыше, великая красота, побеждающая всякую дисгармонию, – часть судьбы.

Квартиру Ахматовой на Фонтанке, в крыле Шереметьевского дворца, видно издалека благодаря гигантской фотографии Анны в платье в цветочек и с темным воротничком – на самом деле эта квартира никогда не принадлежала поэтессе. Советские власти предоставили жилье третьему мужу Анны – искусствоведу Николаю Пунину. Когда на заре отношений Анны и Николая весной 1925 года поэтесса въехала в квартиру, ей пришлось делить жилплощадь с бывшей женой и дочерью Пунина, которые занимали соседнюю комнату. Тогда Анна и не подозревала о том, что вынужденное соседство окажется более чем долгосрочным: после разрыва с Пуниным Анне было некуда идти в городе по имени Ленинград, прежняя его семья тоже съезжать не собиралась. В 1989 году, когда отмечали столетие Ахматовой, коммуналку превратили в музей, целиком и полностью посвященный поэтессе. Культовое место, подумала я, проходя по двору.

Я более или менее представляю себе, чего ждать: отполированного паркета, рукописей под стеклом и разных сентиментальных побрякушек, напоминающих нам о том, что вещи переживают людей. При входе мой взгляд не останавливается на вешалке со старым пальто и двумя несчастными ветхими шляпками, но не может оторваться от массивного телефонного аппарата, который Анна Андреевна, без сомнений, караулила день и ночь в надежде получить новости о сыне, заключенном ГУЛАГа, и лишь только раздавался звонок, она, едва сдерживая слезы, хваталась за трубку и вслушивалась в чей-нибудь враждебный голос.

Можно сфотографировать? Я купила правильный билет? Он годится для съемки? Нет, с ним разрешен только вход. В таком случае придется оставить камеру на дне сумки.

Круглый столик на высокой ножке, граммофон, плюшевый мишка, чернильница с высохшими чернилами, шаль с бахромой, секретер, набитый личными письмами. Я бродила из комнаты в комнату, от одного объекта к другому, и мысли мои не стоят на месте. Тщеславие бытия, бессмысленная вечность предметов, прекратившаяся вибрация переписки.

И вдруг – рисунок.

Вблизи видно, что копия.

Модильяни, и никто другой.

Портрет Ахматовой, выполненный знаменитым художником. О какой связи между Анной и Амедео он свидетельствует?

Я подошла еще ближе. Развевающиеся пряди, легкие, мягкие, как у ребенка, грациозно изогнутая шея – это изображение друга или возлюбленной?

Я должна это сфотографировать! Непременно! И, делая запретный кадр, понимаю, что во мне что-то произошло. Что именно? Не знаю. И не знаю, какая тайна снисходит на тишину зала аукционного дома в Париже на улице Матиньон.

Я закрываю каталог и чувствую шелковистое прикосновение загадочной страницы жизни. Увы, мне не хватает наглости, чтобы тихонько спрятать каталог в сумку. Я прикладываю ладони к щекам: они пылают. Затем слышу свое имя. Вскакиваю с места, люди тут же обращают на меня взоры, а мне хочется выкрикнуть: моя новая книга только что родилась!

Встреча

Двадцать первое января 1910 года, стрелки парижских часов останавливаются на 23:55. Парижане выходят из театров, баров и домов, куда им не следовало наведываться, начинают иронизировать над современными условиями жизни и так называемым комфортом. В домах еще горит свет. Вскоре их обитатели облачатся во фланелевые пижамы и уснут, не подозревая о наводнении, которое остановило работу завода по производству сжатого воздуха на набережной Панар-Левассёр. Невозможно представить себе изумление горожан, проснувшихся в окружении воды. Париж внезапно превратился в Венецию, правда, без гондол, зато с моторными лодками Berton, каждая на двенадцать человек. На всех лодок не хватает, депутаты как-то добираются до своих Палат, не намочив штаны, а вот беднякам приходится шнырять по пояс в грязной воде.

Вода прибывает каждый день, эвакуируют больных из Питье-Сальпетриер, заключенных Консьержери, но не жителей Ботанического сада; жираф обречен на смерть. Из двуногих за тридцать дней пала лишь одна жертва – молодой капрал, которого унесло течением, когда он спасал на своих плечах телеграфиста.

Работы по очистке улиц и подвалов длятся неделями.

Второго мая 1910 года, когда Анна Андреевна Гумилева – фамилия поэтессы с 25 апреля, – стуча каблучками, выходит на платформу Восточного вокзала, электричество восстановлено еще не всюду.

Потоп что-то уничтожил, сложно сказать что. Может, невинность, бездумную веру в прогресс. Парижане теперь глядят на Сену с содроганием, особенно когда над мостами собираются тучи: а вдруг комета Галлея станет причиной местного конца света? Ее ожидают в середине месяца. «Видевший Галлею не увидит жизни», – гласит пословица. С кометой связан целый ворох дурных предсказаний – и первое из них подтверждается падением Иерусалима в 70 году н. э. Какого еще бедствия ждать? Грозят ли чем-нибудь проливные дожди с громом и молнией, начавшиеся еще в конце марта? Газета «Ле Пети Паризьен» ничуть не стремится успокоить граждан: по всей видимости, приближается очередное наводнение?

Париж серый и мрачный. Водостоки начеку. Чудесный май начинается чудовищно.

Слышит ли молодая русская, как стучит по стеклянной крыше вокзала длинноволосый дождь? Или она охвачена лишь нетерпением, предвкушением счастья?

«Я в Париже!»

И все вокруг это подтверждает: юбки короче, чем в Санкт-Петербурге, мягкая кожа сапожек и цветные чулки, смелые взгляды из-под густо накрашенных ресниц, румяные щеки, невероятные высокомерные в буквальном смысле шляпки. Шляпка Ахматовой, выбранная у лучшей модистки Киева, где после развода поселилась мама, выглядит провинциально. Надо будет от нее избавиться.

Такие мысли посещают ее, пока Николай Степанович Гумилев, Коля, как она его называет, отправляется протестировать свой французский в разговоре с носильщиком. Коля довольно хорошо говорит по-французски, никакой особой заслуги в этом нет – просто между 1906-м и 1908-м годами он часто жил в Париже. О столице ему известно все – по крайней мере, так он утверждает, – чтобы с комфортом передвигаться по городу, ходить в музеи, не рискуя наткнуться на закрытую дверь, вкусно и недорого обедать, не поддаваться на ухищрения продавцов, правильно себя вести с носильщиками и элегантно завязывать галстук. Анна спокойна – Коля договорится о том, как взять такси и довезти вещи.

Она размышляет обо всем, что ее ждет.

В поезде молодожены составляют список достопримечательностей, которые стоит посмотреть в первую очередь: дворец Трокадеро на холме Шайо, базилику Сакре-Кер и Мон-

мартр, Эйфелеву башню, разумеется, ведь у нее с Анной один год рождения – 1889-й, Большие бульвары вокруг Оперы Гарнье, Булонский лес – все самое великолепное, с точки зрения Коли. Анна очень хочет попасть на улицу Отфей. Там ведь родился Бодлер? А где его могила? Поэтесса хочет положить на могилу Бодлера черную розу.

Черную розу!

Коля смеется.

Эту розу придется окунуть в чернила или дождаться темной-темной ночи.

* * *

«Цветы зла». Позже Ахматова скажет, что прочла сборник по-французски в тринадцать лет.

Так ли это?

Знаменитости всегда лгут – это им либо выгодно, либо приятно.

Тринадцатилетие Ахматова отметила в июне 1902 года недалеко от Санкт-Петербурга, в Царском Селе. Этот маленький городок гордится тем, что здесь находится любимая резиденция царя, элегантный Александровский дворец, построенный Джакомо Кваренги, архитектором Екатерины II, в английском парке, усеянном бесчисленными прудами. Николай II так заботился о спокойствии своей семьи, что иногда даже пренебрегал обязанностями монарха, чтобы провести больше времени в Царском Селе. Вокруг дворца устраивает жизнь целая плеяда рантье, чиновников, офицеров на пенсии. Возможно, Андрей Горенко с семьей поселился рядом с Александровским дворцом, надеясь восстановить свою репутацию? В 1887 году его подозревали в предательском заговоре с неким лейтенантом, объединявшем противников Николая: Горенко потерял должность инженера императорского флота и опустился до обычного чиновника – невероятный поворот событий, особенно для тщеславного хвастуна и нарцисса, одержимого всеми женщинами на свете, кроме собственной жены. Об Инне Горенко, урожденной Строговой, об этой чудесной матери, открыто и бессовестно преданной тысячу раз, Анна Ахматова высказалась довольно туманно: Инна трогала своей мечтательностью, раздражала неорганизованностью, неспособностью пришить пуговицу или приготовить элементарную еду. Анна выросла в квартире, где не было книг и никто никого не любил.

Андрей и Инна Горенко никогда не читали – подобный отказ от литературы для русской буржуазии, даже небогатой, в принципе казался довольно редким явлением. Правду ли говорит Ахматова, утверждая, что в родительской гостиной видела книгу лишь однажды? Кстати, это был сборник «поэта-гражданина» Некрасова, реликвия для Инны, которая получила книгу в подарок от своего первого мужа, покончившего жизнь самоубийством. Впрочем, и эту книгу, Некрасова, мать Анны Андреевны открывала лишь по особым случаям.

Представляешь себе иконы в свете ночников, бормочущую молитвы служанку, нервного отца, который не может полностью дать волю своим донжуанским стремлениям, четырех девочек и двух мальчиков, раскрасневшихся от слишком горячей ванны, и мать, которая не в силах управиться с этим маленьким миром – воплощением печальной судьбы народа, описанной в стихах Некрасова.

Анна смотрит на мир шире. В ней бурлит энергия. Она с нетерпением ждет чего-то нового, но не знает чего. Думает о Пушкине, о его лицейских годах в Царском Селе. Проходя мимо памятника Пушкину, Анна вся дрожит в предвкушении – она уверена, что однажды станет поэтом. Уже девочкой Ахматова обладает удивительным чутьем и собственным видением красоты. Красота освобождает и воодушевляет. Анна представляет себе тяжкий грохот волн Черного моря, у берегов которого ее семья отдыхает во время каникул; о невероятном

наслаждении в одиночестве гулять по пляжу в Евпатории и чувствовать, как ветер продувает все тело и забирается под платье, а там – никакого нижнего белья!

«Однажды я стану поэтом!» – повторяет она, сжав кулаки.

Другими словами: «Я стану свободной!» Анна родилась в 1889 году, то есть в XIX столетии, когда женщины были вынуждены подчиняться правилам, вписывать себя в соответствующие рамки. Впрочем, такая ситуация продлится не слишком долго. Но Анна Андреевна заранее готовится к бою. Свобода не стрекоза, которую можно ухватить за крылья на какой-нибудь тростинке, она скорее – хищник, затаившийся в тени раскидистого дерева. Свободу надо заслужить и выцарапать когтями.

Анна делает все, что вздумается. Лазает по деревьям, учится свистеть, уверяет, что гадюки кажутся ей привлекательнее птичек. Она не желает походить на кисейных барышень, как ее сестры. Перед зеркалом она задерживается лишь для того, чтобы декламировать стихи. Как превратиться в Пушкина? Наверное, нужно изолировать себя от всех и читать-читать-читать, затачивать ум, как нож.

Анне хочется прочесть самые опасные, запрещенные, проклятые книги. В царской России, где власть принадлежит полиции и цензуре, подобные книги есть; Николай II причислил к таким сочинениям, например, «Саломею» Оскара Уайльда, переведенную на русский язык Константином Бальмонтом, главой символистов в Москве. Где же эти страшные книги? Точно не дома. Чтобы отыскать их, придется покинуть Царское Село. А пока надо узнать, кто ты есть, чего хочешь, – и держаться за это знание.

Тем временем в том же маленьком городке другой одиночка внушает себе то же самое. Его зовут Николай Степанович Гумилев. Этого хмурого ученика императорского лицея можно опрометчиво принять за скромника и тихоню. Однако он тот еще наглец – имеет собственное мнение обо всем и ставит Бодлера выше Пушкина.

* * *

Бодлера узнают в Петербурге к 1900 году. Первые переводчики «Цветов зла» – поэты. Петр Якубович, близкий к кругам анархистов, публикуется под псевдонимом, дабы избежать цензуры. Иннокентий Анненский цензуры не боится. Его называют «русским Малларме», он невероятно скрытен, перед коллегами делает вид, будто только преподает древние языки, но на самом деле пишет стихи в духе парнасцев и манипулирует словами как волшебник. В 1903 году он становится директором императорского лицея в Царском Селе. Как Гумилев привлек внимание Анненского? Может, дал почитать свои стихи, и переводчик «Цветов зла» тут же распознал юный талант и своеобразный голос?

Известно одно: Гумилев по совету Анненского читает Бодлера. «Бодлер, – объясняет переводчик-педагог, – это анти-Некрасов, Бодлер не привязывает стихи к событиям, у его поэзии нет причины или четко заданной цели, и это очень правильно, ведь у поэзии никогда нет ни цели, ни правды, у поэзии есть только она сама. И только тогда, когда поэзия сама себе правда, и цель, и вызов – только тогда она обладает силой молнии и способна рассекать камни».

– И как же достичь такой мощи? – спрашивает ученик.

– С помощью беспрерывной работы над формой, – отвечает художник под маской учителя.

– Константин Бальмонт и Валерий Брюсов это делают, – замечает Гумилев, называя имена своих любимых поэтов.

Анненского Бальмонт и Брюсов раздражают, он не терпит спиритуализма, оккультизма и декадентства, которыми московские гении так увлечены.

– Русские символисты слабы, поскольку предпочитают добыче – иллюзию, тень, химеру. Добыча есть схваченная стихом истина. Если видеть лишь тени и культивировать лишь туманные ассоциации, потеряешь и читателей, и себя самого. Добыча – это реальность, – настаивает Анненский. – Поэт должен ухватить реальность идеально ловким движением звука.

Так говорил первый русский переводчик Бодлера со своим учеником.

Спустя семь лет в поезде по дороге в Париж этот ученик, ставший мужем, с высоты своего литературного опыта, сосредоточенного в двух уже опубликованных стихотворных сборниках, обращал слова Анненского к своей жене: быть поэтом – значит охотиться. Если хочешь оказаться в одном ряду с Пушкиным, Бодлером и со мной, будь безжалостной к языку. Прицеливайся, подобно охотнику, и убивай.

* * *

Шофер такси из недавно основанной парижской компании высаживает пару на улице Бонапарт, напротив дома № 10. Сена в двух шагах. В 1910 году издатели открыток делали отличные январские фотографии половодья, на одной из них как раз улица Бонапарт, по которой можно смело плавать на лодке. Дом № 10 двухэтажный и с виду мрачноватый – многие старые парижские дома, повидавшие на своем веку и огонь, и воду, производят такое впечатление. На первом этаже – мужское ателье. Пансиону «Флоркен» принадлежат антресоли и четыре комнаты на втором этаже с раковиной и биде. Туалеты – общие, на лестничной площадке, «по-турецки», как часто бывает в старых парижских домах.

В Париже всегда хочется идти в ногу со временем. Конечно, есть и поверхностный Париж, город удовольствий, вечного праздника, ослепительный и ослепленный роскошными отелями в бесчисленных огнях. Но есть и другой Париж – город холмов и зеленых парков, художественных мастерских под самыми крышами или в холодных подвалах – такой Париж одной ногой еще стоит в прошлом столетии.

В начале новой эры далеко не все парижане имеют удовольствие наслаждаться прелестью сточных труб, изобретенных еще римлянами. По ночам цистерны, запряженные лошадьми и снабженные помпами, освобождают город от нечистот.

Приехать в Париж замужней и переполненной ожиданиями; провести первую ночь без сна; чувствовать, как в ноздри врывается зловонье; вскочить с постели, где спит или притворяется, что спит, супруг; согнуться над подоконником, едва сдерживая тошноту; увидеть цистерны каштанового и желтого цвета, лошадей, таких же усталых, как в России; выйти на лестничную площадку; толкнуть плохо закрытую дверь туалета; ощутить сомнение перед цементными выступами в виде подошв; разозлиться на себя за брезгливость. Ожидание, одиночество, стыд – испытывать все это, но дрожать в предвкушении будущего и повторять себе как заклинание: добыча – это истина, это реальность, поэт должен ухватить реальность идеально ловким движением звука.

Поэзию питает все.

Первая парижская ночь, конечно, связана для супругов с чувством стыда, в котором ни один из них не признается другому, хотя мог бы. Лежащие на двух половинках постели могли бы открыться друг другу, потому что поняли бы друг друга, но каждый из них корит себя за стыд. Банальный стыд – в Царском Селе на него не обращали внимания: бедность, нехватка средств для удовлетворения всех желаний и предлагаемых столицей удовольствий, для использования всех ее возможностей. А ведь многие русские в Париже вели шикарную жизнь – например, Сергей Дягилев, волшебник балета, организатор «Русских сезонов» в Париже, щедрый завсегдатай ресторана «У Прюнье»; или Сергей Щукин, чей московский дом сравним с царским дворцом. Каждый раз, приезжая в Париж, богатый купец обходит

картинные галереи на Правом берегу и за огромные деньги сметает Моне, Ренуара, Матисса, Пикассо – глаз у коллекционера уже наметан.

* * *

О чем думать, если не спится? Вспоминает ли Анна свою свадьбу в Киеве? Он – сияющий, она – вся в себе и бледная, словно ее ведут на казнь. Прекраснейший день в жизни? Не для нее. Ни братья Анны, ни сестры не приехали на церемонию; отец тоже якобы приболел. Семья Горенко считала невероятным легкомыслием стремление Анны связать себя узами брака с нелюбимым человеком, Николаем Степановичем Гумилевым, сыном Степана Яковлевича Гумилева, в прошлом военного врача в Кронштадте. Почему девушка вышла замуж за Гумилева, хотя любила другого? Ради того чтобы забыть краснобая, доставлявшего страдания? От усталости? Дабы покончить с напрасными клятвами, глупыми ссорами, шумными примирениями, которые вынимали всю душу и длились годами? Или, может, Анна хотела доставить радость Гумилеву? «Он до смерти меня любит», – сказала она одному из родственников, а другому призналась: «Коля практически взял меня измором». И шантажом: дважды во время поездок во Францию, когда от Анны не было вестей, Гумилев грозился покончить с собой, дважды он не сумел это сделать. Вышла ли она замуж из жалости или от страха прожить жизнь впустую? Провинциальная жизнь угнетала: рантье в допотопных нарядах, узколобые барышни, оплакивающие жизнь, еще не начав жить. Ответила ли Анна «да», чтобы сбежать от чеховской рутины Царского Села? Незадолго до свадьбы в письме к родственнику Анна выразилась так: «Я выйду замуж за друга детства, Николая Степановича Гумилева. Он любит меня уже три года, и думаю, моя судьба – быть его женой». Ей не хватило честности прибавить «и быть признанной как поэтесса». Коля сильно опередил Анну на пути к творческому успеху. Вышла ли она замуж, потому что Гумилева уже приняло литературное общество Петербурга и Анна надеялась, что ее шансы утвердиться в роли поэта на берегах Невы вырастут?

Воспоминания уносят Анну еще дальше в прошлое. Зима 1903 года, канун Рождества, их первая встреча под горчичного цвета арками Гостиного двора – своего рода Галереи Лафайет Санкт-Петербурга. Она была с подругой своего возраста, он – с молодым человеком, старшим братом, которому уступал в росте и вообще в привлекательности. Что она там хотела купить? Ах да! Гирлянды на елку. А он что хотел? Видимо, пострадать в очередной раз. Что он заметил в ней? Может, слишком серьезный взгляд? Тонкую талию, какие редко бывают у четырнадцатилетних подростков? Гумилев был старше Анны на три года. «Я сейчас в возрасте Рембо, когда тот написал «Пьяный корабль», – взволнованно сказал Коля чуть позже, но его эмоциональность показалась Анне неуместной и нелепой, как и он сам: голова в форме яйца, шаровидные глаза, косоглазие, тягучий голос. Неужели он не слышит, как шепелявит? Робкий и высокомерный одновременно. Невыносимый мальчик. Анна демонстрирует ему свое равнодушие. В четырнадцатилетнем возрасте люди умеют быть по-настоящему жестокими. «Отлично, я избавилась от него», – думает Анна. Не тут-то было. Гумилев воспылал чувствами к этой ледышке.

* * *

Каждый человек обладает уникальной способностью страдать. Некоторые умеют не расходовать свой запас страданий, не погружаться в них с головой, не терять себя; другие не умеют, они отдаются страданию без остатка, упиваются страданием, открывают ему свою душу и наполняют ее слезами. У таких людей ласки всегда сопровождаются криками, объятия – рыданьями. Два лагеря: тех, кто кровоточит, и тех, кто заставляет кровоточить, – про-

тивостоят друг другу, но всегда нуждаются друг в друге; эта нужда зовется страстью – благодаря ей мужчины и женщины предаются любви, а затем всё разрушают, прекрасно понимая, в чем состоит природа разрушительной силы. Сарабанда меча и крови звучала в 1903 году, когда Анна встретила Колю. Сначала Анна была отрицательной героиней. *Оттого, что я терпкой печалью / Напоила его допьяна*[2], — гласит одно из ранних стихотворений. Затем кинжал перешел в другие руки. Женившись на принцессе, Коля освободился от нее. Ему хотелось нравиться женщинам. Его странность вызывала интерес – он это знал и пользовался этим.

В Париже, который угнетал в тот период постоянными грозами, расклад сил поменялся и равновесие нарушилось. Десятилетия спустя в беседе с Лидией Чуковской Ахматова признается: «Мы были помолвлены слишком долго (…). Когда в 1910 году мы поженились, Коля уже лишился прежнего энтузиазма».

* * *

Стоило обзавестись муслиновыми платьями, платками, перчатками и шарфиками, как понадобились зонтики, причем в большом количестве – потоп разыгрался не на шутку. Хорошо, что, избавляясь от влюбленности, люди становятся практичными. Русской молодой паре вовсе не хочется петь под дождем. Парижанам, впрочем, тоже. Ученые обсерватории сообщают о том, что комета летит к Земле со скоростью тридцать тысяч километров в день и заденет ее лишь слегка, поэтому всем любопытным, которые полезут на крыши лицезреть спектакль, чей следующий показ намечен через семьдесят пять лет, лучше надеть очки; продавцы сплетен предрекают катастрофу, удушающие газы, те самые, от которых погибли жители Помпей; а кроме того, конечно, следует ждать волны самоубийств и страшного вандализма, как в 451 году, когда комета Галлея прошла за несколько недель до появления армий Аттилы.

Конец света не за горами.

Однако в доме № 10 на улице Бонапарта новые жители пансиона «Флоркен» заняты совершенно другими мыслями. Анна настаивает на покупке двух зонтиков; Коля изучает возможные способы добраться до музея Клюни и его Терм. Он не забыл ни огромный красный гобелен, которым любовался в свой первый приезд в Париж в 1906 году, ни странную боль, возникшую во время созерцания тихой красоты Дамы с единорогом, вставшим на задние ноги, подобно цирковому животному. Гумилеву тогда показалось, что он точь-в-точь как единорог, нелепое существо в полном подчинении у сирены. Оцепеневшее ручное животное, готовое выполнить любой приказ жестокой девочки, – таким был поэт четыре года назад.

* * *

На улице Кампань-Премьер, недалеко от «Бон Марше», где двое элегантных и растерянных иностранцев изучают отдел аксессуаров, некий мужчина вырывает из блокнота, который всегда носит с собой, листок: «Комета еще не прибыла. Ужасно. Я, конечно, увижу тебя в пятницу. Нет сомнений в том, что мы умрем».

Мужчина складывает листок вчетверо, просит конверт у женщины, которая только что поставила перед ним бокал красного вина. Женщина немолода, но мужчина обращается к ней как к королеве, и, подобно королеве, она язвительно отвечает по-итальянски, что держит не канцелярский магазин, а лучшую и самую дешевую на Монпарнасе закусочную.

[2] Стихотворение А. Ахматовой «Сжала руки под темной вуалью…» (1911). *Здесь и далее, если не указано иное, прим. перев.*

Женщину зовут Розали, а закусочная, бывшая молочная лавка[3], в доме № 3 по улице Кампань-Премьер, – ее королевство. То и дело сюда наведываются разные плуты, чьи желудки она ублажает пастой болоньезе и оссобуко[4]: русские, поляки, чехи, венгры, требовательный румын, пузатый мексиканец, который не стесняется ущипнуть ее за бочок с тех пор, как от кого-то узнал, что она позировала Кабанелю[5] и Бугро[6] обнаженной, ну, или почти. На нескольких хороших парней, платящих наличными, – вроде одного японского художника, чистенького и одетого с иголочки, – приходится целый батальон бедняков, которые рассчитываются собственными полотнами.

Мужчина достает карандаш – у него их целая коробочка, – вырывает из блокнота еще один листок, а дальше – пальцев уже не видно, видны только линии, растущие и сопрягающиеся. Сначала нос, потом глаза, рот, овал лица, определившийся одним штрихом! Все действо напоминает танец, какую-то магическую пляску, мужчина словно забывает обо всем и на волнах собственного виртуозничества уносится в далекий мир, известный лишь ему, возвращение из которого знаменует подпись: Commediente l'Amedeo.

Женщина не хочет брать рисунок, но мужчина повторяет, что это подарок, что она его заслужила, что без чудо-спагетти прекрасной Розали он, возможно, уже покинул бы этот мир. Слова произнесены с легкой усмешкой и в то же время с жаром и немного смущенно, с невероятным обаянием, свойственным ему одному. Женщина молча берет рисунок, затем исчезает на кухне, откуда сильно пахнет мясом, и возвращается с конвертом в руках.

Мужчина поворачивает конверт, замечает на нем пятнышко, колеблется. Ему неловко, и одновременно он укоряет себя, словно за недостойное поведение. Любить народ не значит быть его частью. Мужчина разглаживает конверт. Пишет адрес карандашом: Полю Александру, улица Дельты, дом № 7, 18-й округ. Париж.

* * *

Улица Дельты тянется от улицы Фобур-Пуассоньер до улицы Рошешуар. Главное – сохранять трезвость рассудка: шанс полюбоваться фаланстером «доктора Александра», друга, единомышленника, первого коллекционера Амедео Модильяни, почти нулевой. Уже в 1910 году виллу собирались сровнять с землей. На открытке тех времен дом еще цел, но выглядит полуразрушенным и застекленными дверьми-окнами выходит на пустырь. Что осталось от этой богемы?

Ничего.

Забавная, однако, деталь: в доме № 7 на улице Дельты теперь центр приема иностранцев, прикрепленных к полицейскому участку 9-го округа. Наверняка это идея призраков. В частности, конечно, Поля Александра.

* * *

Я сын богатого аптекаря из 16-го округа. Мне двадцать шесть лет, хотя на вид больше – может, меня старит бородка или мешки под глазами. Я учился у иезуитов и стал дермато-

---

[3] Во Франции второй половины XIX века некоторые молочные лавки превратились в дешевые закусочные для простого люда. Помимо молока и сыра, там подавали яйца, рис, супы, мясо, вино и т. д.

[4] Традиционное блюдо итальянской кухни – тушеная телячья голяшка.

[5] Александр Кабанель (1823–1889) – французский художник, представитель академизма. Славу «первого живописца империи» ему принесли полотно «Рождение Венеры» и другие картины, в которых мифологический сюжет сочетался с эротикой.

[6] Адольф Вильям Бугро (1825–1905) – французский живописец, крупный представитель салонного академизма. Писал картины на мифологические и библейские сюжеты.

логом, чтобы отец не беспокоился о моих финансовых делах, у меня манеры моего круга и соответствующие возможности, однако меня влечет к свободным бесшабашным людям, чьи умы исполнены фантазий и надежд. Я никогда не стану художником – разве что рукой помощи, которая его поддержит, знатоком, который его защитит, другом, который приютит. Итак, я открыл свой диспансер в доме № 62 по улице Пигаль на Монмартре, затем арендовал небольшой двенадцатикомнатный особняк на улице Дельты. Городские власти Парижа собираются вскоре его снести, но какая разница? Место мне по душе, скоро оно превратится в оазис свободных умов. Искусство и свобода – единственная религия Дельты, об этом, конечно, судачат, шепчутся, говорят, наши женщины ведут распутный образ жизни; и правда, Раймонда, славная подруга Мориса Друара, скульптора, по субботам веселит нас, танцуя в одних туфельках. Абсент, опиум и кокаин, разумеется, причина некоторых беспорядков. Я предпочитаю гашиш, впрочем, употребляю его в умеренных количествах и весьма осторожно. Помню, однажды мы с моим братом Жаном приняли гашиш вместе с Идой Рубинштейн на втором этаже особняка «Мерис», где она обосновалась к 1910 году. Звезда русского балета впала тогда в какое-то восторженное безумие. Мы с Жаном возвращались на Монмартр по набережным. В ночи на небе звезды сияли нам, словно ноты на воображаемой партитуре. А деревья цвели фейерверками.

Эту потребность в феерии мы все удовлетворяли на улице Дельты.

Модильяни появляется там в ноябре 1907 года. К тому времени он уже год как живет в Париже. Он приезжает на автомобиле с площади Жана-Батиста-Клемана, из дома, откуда его выгнали. За рулем дама, одетая с иголочки, Мод Абрант, американка. За машиной следует двуколка, набитая книгами, рисунками и тряпьем. Я предлагаю Модильяни комнату на втором этаже. Он отвечает, что ему достаточно угла, чтобы работать и разместить полотна. На улице Коленкур их ждут в отеле. Очевидно, за отель платит мадам. Мадам богата, и у нее хороший вкус, а более обаятельного типа, чем этот сумрачный художник, не найти.

Пожмите человеку руку, и вы поймете, чего он стоит. Я сразу смекнул, с кем имею дело. Бодлер говорит о «чрезмерном достоинстве» – это и про Модильяни. Мне не терпится увидеть его полотна, он не заставляет себя долго упрашивать и показывает картины, не ожидая с моей стороны одобрения. Однако я с первого взгляда отмечаю его невероятный дар. И говорю ему об этом, он отвечает, что только мне и по душе его работы: с тех пор как он приехал в Париж, не нашлось ни одного покупателя.

* * *

Однажды Пол Боулз сказал французскому журналисту, который явился взять у него интервью в Танжере: «Быть счастливым легко, если довольствуешься малым». Но как художник может довольствоваться малым?

Я пишу эти строки, сидя перед портретами Николая Гумилева, Анны Ахматовой и Амедео Модильяни. Фотография Модильяни датируется 1906 годом – именно тогда он переехал в Париж, две другие фотографии – 1910 года.

Гумилев готовился к фотосессии словно к свиданию с любимой женщиной. Продумал каждую деталь: целлулоидный воротничок, высокий и крепкий, как подбородник рыцарского шлема, словом, соответствующий канонам дендизма, усы, подстриженные специальными мини-ножницами. Плюс идеальная соломенная шляпа-канотье.

Как мы заметили выше, природа Гумилева не пощадила. Фотограф попросил поэта слегка повернуть голову и посмотреть на противоположную стену, где, очевидно, висел откровенный снимок. Гумилев зажался еще больше, чем изначально, и решил, наверное, подумать о чем-то возвышенном, но это не помогло, а лишь зафиксировало выражение лица.

Сложно себе представить более высокомерного парня, чем этот пижон, но высокомерие лишь доспехи, к тому же нравиться всем все равно что нравиться кому попало.

Когда Модильяни отправляется к фотографу в квартал Мадлен, бросив багаж в довольно приличном отеле недалеко от улицы Тронше, выглядит он превосходно: гардероб еще не изношен, и художник похож на настоящего эпатажного молодого буржуа из Ливорно. В этом году Блез Сандрар[7] встретит «веселого, красивого, божественно красивого молодого художника, одетого в итальянском вкусе и словно только что из модного магазина». Габардиновый плащ с вышивкой ручной работы, подчеркивающий талию, навсегда останется в памяти писателя, который уже в 1917 году, облачившись в белую рубашку и черный галстук, будет позировать Модильяни.

Этот ли самый плащ художник накинул на плечи? На фотографии скорее пальто с широкими лацканами. Наверное, время съемки – зима, потому что под пальто темный костюм, увенчанный галстуком-бабочкой. Фотограф, явно под впечатлением от неземной красоты, решил сделать портрет в фас. Адонис тут же принял нужную позу: одна рука на колене, другая в кармане пиджака. Раскованность мужчины, обласканного женщинами. Вот что значит художник.

На самом деле выражение лица предельно серьезное. Это выражение лица человека, который не изменяет своей звезде. О природе собственной решительности Модильяни сказал своему другу художнику Оскару Гилья так: «Твоя задача не принести себя в жертву, а спасти свою мечту…»

Спасение мечты – экстремальный вид спорта.

Итак, Модильяни сосредоточен, словно атлет, собирающийся забраться на вершину самой высокой скалы благодаря ловкости и силе рук.

И в то же время вид у художника естественный и непринужденный. Он само воплощение молодости.

Серьезность, красота, истинная красота, которая волнует, парализует, видна и на фотографии Анны Ахматовой, сделанной вскоре после ее свадебного путешествия. Высокий лоб притягивает свет, который озаряет матовую копну волос. Рот будто скрывает тайную боль. Куда устремлен этот затуманенный взор? Думает ли Анна о навсегда потерянном счастье? Или о желанном величии?

Снимите дорогую кружевную блузку и миленький жакет – перед вами предстанет девушка, жаждущая взорвать Вселенную ради созерцания рая.

* * *

Красивые люди притягиваются. Они не всегда бывают идеальными любовниками, но красота, выделяющая их на фоне всех смертных, словно цемент, неразрывно соединяет их. Когда я вижу три портрета в одном ряду, я ощущаю кисловатый привкус очевидности, точь-в-точь как при просмотре бульварной пьесы, где с первого акта знаешь развязку: денди, онемевший от неловкости, итальянец, готовый поделиться красотой со всем миром, и поэтесса, похожая на строгого ангела, – кости брошены.

[7] Блез Сандрар (1887–1961) – швейцарский и французский писатель. Писал стихи в близкой авангардизму и кубизму стилистике.

* * *

На выставке Независимых художников[8] в марте 1910 года, за два месяца до приезда Анны Ахматовой в Париж, Модильяни выставляет шесть работ: «Виолончелист», «Лунный свет», два этюда, один из которых – портрет маслом Пикмаля, «Нищий из Ливорно», «Нищенка». Гийом Аполлинер назовет имя художника в своей хронике в ежедневной газете «Интранзижан», Андре Сальмон расскажет о Модильяни в «Пари Журналь». Но и это не сработает. Модильяни не продается.

Поль Александр тем не менее не отчаивается, считает Амедео «Принцем Богемы», художником, чья единственная религия – вера в себя, человеком, которого беды не одолеют, ибо он велик, пусть удача отвернулась, от судьбы не уйдешь. Модильяни и Поль Александр вдвоем исследуют галереи Правого берега. У Воллара друзья не могут оторваться от работ Пикассо «голубого периода», у Канвейлера[9] – от «маленьких кубов» Брака. Никто не в силах, однако, превзойти Сезанна.

На этого жителя Экс-ан-Прованса, ушедшего из жизни в возрасте шестидесяти семи лет в родном городе, Модильяни во многом ориентируется – на его понимание объемов и форм, легкости материи, на гармоничность планов. Если Амедео и считает кого-то, помимо итальянских художников, своим учителем, то, конечно, Сезанна. Экстаз в галерее Бернхейма перед полотном «Мальчик в красном жилете»[10]. Репродукция картины на открытке всегда у Модильяни в кармане.

Что еще ему нравится? Театры теней, фейерверки, кривые зеркала, циркачи. Стеклянный лабиринт театра Гэтэ-Рошешуар завораживает его не меньше, чем негритянские маски в галерее Джозефа Браммера. Таможенник Руссо[11], картинки, продаваемые в арабских лавках за площадью Клиши, ангкорские[12] и камерунские статуэтки божков в музее Трокадеро[13], амулеты из Конго: каждая вещь – сокровище для глаза художника.

Модильяни работает днем и ночью. Творить – его потребность, разрушать – страсть. Поль Александр умоляет его не сжигать альбомы, пытается отыскать для него моделей. Малышка Жанна, которую Александр лечил в своем диспансере на Пигаль и, однако, не смог заставить уйти с улицы, позирует для великолепного полотна «Ню стоя». Поль Александр также покупает одну из картин, написанных в 1908 году. Повесив картину Модильяни «Еврейка» на голую стену дома на улице Дельты, коллекционер нарушил обещание о беспристрастности, данное друзьям. Однажды вечером все много выпивали и дело дошло до драки; Модильяни в порыве гнева разбил скульптуры другого протеже Александра.

Коллекционер, однако, не лишает Амедео доверия, а наоборот, подтверждает дружбу и заказывает художнику сперва портрет своего отца, сурового Жана-Батиста Александра, затем собственный. Гонорар составляет пятьсот франков, что по тем временам довольно много. Модильяни просит мецената позировать прямо на фоне полотна «Еврейка». Поль Александр с восторгом обнаруживает, что на портрете он эдакий красавчик нового времени. Некоторые посетители, видевшие картину, отмечают влияние на Модильяни флорентий-

---

[8] Другое название – «Салон Независимых». Объединение художников, созданное в Париже 29 июля 1884 года.

[9] Даниэль-Анри Канвейлер и Амбруаз Воллар – французские галеристы.

[10] Картина Поля Сезанна (ок. 1890)

[11] Анри Руссо (1844–1910) – французский художник-самоучка. Живописью начал заниматься уже в зрелом возрасте, не имея необходимого образования, долгое время работал на таможне.

[12] Ангкор – область Камбоджи, которая была центром Кхмерской империи, процветавшей примерно с IX по XV век. Оттуда были вывезены выдающиеся памятники искусства.

[13] Имеется в виду этнографический музей, открытый в 1878 году во дворце Трокадеро. На месте этого дворца сейчас находится дворец Шайо.

ского маньеризма. Александр замечает, что Модильяни не принадлежит ни к какой школе, напротив, он причудливым образом совмещает в себе и развивает различные течения. Модильяни отказывается терять время и упорно гнет свою линию, нигде не подрабатывает. А вот Бранкузи[14], например, на неделе всегда моет посуду в дешевой закусочной у Шартье на улице Фобур-Монмартр и каждое воскресенье прислуживает пономарем в румынской церкви на улице Жан-де-Бове. Итальянец не дает себе поблажек. Поль Александр уважает его за это бодлеровское «чрезмерное достоинство». Между 1907-м и 1912-м годами «добрый доктор» Александр приобретет у Модильяни примерно двадцать пять картин маслом и многочисленные рисунки. Он по-прежнему его единственный покупатель.

* * *

Увидим ли мы комету? Господа из обсерватории обеспокоены. Парижане, разорившиеся на подзорные трубы, проклинают непрекращающийся дождь. Под покровом черного зонтика, выбранного Колей в «Бон Марше», Анна позволяет вести себя, куда поэту только вздумается. «Париж для меня как раскрытая книга», – не устает повторять молодой супруг. Какая самонадеянность! Утверждать, что знаешь город, когда сами парижане в нем теряются – особенно после безжалостных реконструкций Османа, который фактически заново отстроил ряд кварталов! Кто может поклясться, что знает Париж со всеми бывшими деревушками? Парижане считают столицей всего несколько кварталов, и те между собой не сопрягаются. Например, в квартале Монсо понятия не имеют об обветшалом торговом квартале Оберкампф. А между особняками в Пасси, окруженными вечнозелеными садиками, и мансардами Шаронн – настоящая пропасть. Русский революционер Виктор Серж, направленный в это время во Францию для распространения «евангелия от Интернационала», напишет в своих мемуарах: «Роскошный Париж Елисейских Полей, Пасси и даже Больших бульваров с их бесчисленными магазинчиками, лавочками и ресторанами – нам чужд, это словно вражеский город. Наш Париж состоял из трех фрагментов: большой рабочий город начинался где-то в серой зоне каналов, кладбищ, пустырей и заводов, близ Шаронны и Пантеона, у Фландрского моста; затем на вершинах Бельвиль и Менильмонтана превращался в народную столицу, бедную, но энергичную, – здесь кипела жизнь, словно в муравейнике; потом начинался город вокзалов и удовольствий, железных мостов метро и подозрительных кварталов с дурной славой». Арендодатели, которые сдают свои каморки за двадцать су, бистро, куда постоянно наведываются сутенеры, проститутки с огромными шиньонами, наводящие ужас на маменькиных сынков, сироты, продаваемые самым богатым, детское рабство… Такой Париж, уже разоблаченный Виктором Гюго и Стейнленом, красочно изобразившим нищету Монмартра, ни в чем не уступал Санкт-Петербургу, описанному Некрасовым. Молодая русская пара проделала длинный путь не для того, чтобы обнаружить омерзительное зрелище, которым уже насладилась дома. Для Ахматовой и Гумилева Париж начинался в музеях и заканчивался в салонах.

* * *

В июне 1906 года Гумилев сошел с поезда на Восточном вокзале. У него была с собой небольшая сумма денег, выданная матерью, которой юноша пообещал усовершенствовать свой французский в Сорбонне. В голове у поэта маячила лишь одна мысль: завоевать самый суровый и самый желанный город в мире. Путеводителем служил журнал «Мир искусства».

[14] Константин Бранкузи (1876–1957) – французский скульптор румынского происхождения. Считается родоначальником абстракционизма в европейской скульптуре.

Основанный в 1899 году Сергеем Дягилевым и его друзьями – Александром Бенуа, Леоном Бакстом и Евгением Лансере, журнал восхвалял космополитизм авангардистов Берлина, Вены и Парижа. Русское искусство в мире почти не знали, Дягилев и Бенуа мечтали познакомить Европу с русской живописью, музыкой и балетом. Гумилев воспринимал их статьи как призыв. Некоторые из его соотечественников-литераторов уже обосновались в Париже, и до отъезда молодой поэт заполучил несколько адресов – адрес Максимилиана Волошина казался ему самым ценным.

В России Волошину дали кличку «парижанин». В Царском Селе молодой Гумилев узнавал Париж по стихам Волошина об осени и соборе Нотр-Дам. Однако Волошин не только поэт. Он переводчик парнасцев, поклонник художника Одилона Редона, чью живопись пытается популяризировать в России. Этот огромный славянин, не то людоед, не то розовощекий толстенький малыш из рекламы детского мыла[15], разворачивает в Париже мощную деятельность критика искусств и проводника в русский творческий клуб, который Волошин создал на улице Буассонад благодаря финансовой и моральной поддержке своей подруги, художницы Елизаветы Кругликовой. В мастерской у Кругликовой собираются эксцентрики со всего Парижа: эстеты, художники, декадентские дамочки, жаждущие невозможного и неуловимого. В глазах Гумилева Волошин обладает исключительным качеством: никто не знает Париж лучше, чем он.

Кто еще открыл молодому поэту родной город Бодлера? Константин Бальмонт. Сосланный за участие в январских мятежах 1905 года, жестоко подавленных Николаем II, автор поэтического сборника «Будем как солнце» поселился на улице де ла Тур в 16-м округе. Гумилев слышал, что у Бальмонта были полезные связи в издательском мире. По тем же причинам, что Бальмонт, в Париже оказались Дмитрий Мережковский, отец русского символизма, и его жена, красавица Зинаида Гиппиус, которую многие побаивались. «Гадюка» – так прозвали эту самовлюбленную Мессалину[16]. Тем не менее Иван Бунин сохранит ее в воспоминаниях как невероятно худенького ангелочка, облаченного во все белое. Валерий Брюсов восхитился «пугающей прямотой» ее поэзии. Кстати, о Брюсове: Гумилев надеялся, что дружеское рекомендательное письмо от коллекционера ценных связей поможет познакомиться с прекрасной злодейкой. Не забудем и о рекомендации верного друга Анненского.

Как только бывший наставник, а к тому времени поэт «на полную ставку», прознал о том, что его воспитанник продолжит обучение в Париже, он тут же написал письмо своей сестре с просьбой оказать молодому человеку протекцию и радушный прием. Сестра Анненского вышла замуж за француза, родившегося, по иронии судьбы, в Астрахани в 1852 году. Его звали Жозеф Деникер, и работал он главным библиотекарем в Музее естественной истории.

Деникер много путешествовал, от границ Кавказа до тибетских плато. Он принял Гумилева в своем убежище на улице Жоффруа-Сент-Илер. Молодой человек, способный по памяти нарисовать карту мира, но не способный без слез говорить про Абиссинию, тронул Деникера, словно его собственная несовершенная копия. Нетерпеливый амбициозный юноша изложил старому антропологу свои основные идеи фикс: длительная агония христианской эры; шанс на выживание, который могла бы получить полуживая Европа, если бы переняла традиции и ценности Азии; необходимость в мужественном роде человеческом. Кроме того, Гумилев признался новому другу в своем интересе к оккультизму. Ученый иронизировал. Гумилев настаивал на том, что оккультизм, в его понимании, лишь мостик, соединяющий невидимое с реальным.

---

[15] Имеется в виду реклама продукции Cadum, на которой изображен смеющийся розовощекий малыш внушительных размеров.

[16] Валерия Мессалина (умерла в 48 г. н. э.) – третья жена римского императора Клавдия. Имя приобрело переносное значение из-за распутного поведения властолюбивой римлянки.

– И откуда же берется этот мостик? – спросил Деникер.

– Этот мостик – поэзия, – ответил Гумилев.

Деникер едва сдержал улыбку, для него единственная поэзия – теория Дарвина. «Анатомическое и эмбриологическое исследование человекообразных обезьян» – так называется работа, благодаря которой Деникер приобрел известность. О чем она? О том, что не все расы одинаково развиты. Гумилев кивнул: слово «раса» вызывает у него приятное чувство уверенности. Величие императорской России, ортодоксальной и монархической. В своей комнате в Царском Селе поэт-подмастерье высек строчки стихотворений под статуэткой Святого Георгия. Мальчик думал, что этот святой, покровитель царских офицеров, и его покровитель.

* * *

Модильяни очень рано узнал о том, что смертен. В 1900 году, когда будущему художнику уже исполнилось шестнадцать, ему диагностировали туберкулез. За два года до этого он перенес брюшной тиф. Маргерита, его старшая сестра, считала, что ее дорогой Дедо (так называли Модильяни в семье) подцепил палочку Коха по собственной вине, когда покинул домашний очаг и поселился в рабочем квартале Ливорно с товарищами из мастерской Гульельмо Микели, художника и первого учителя Амедео. Предыдущий наниматель студии, где обосновался Модильяни с приятелями, умер от туберкулеза. «Если бы он был поумнее, не заболел бы», – говорила сестра художника. Спустя век те же глупости болтают про СПИД. В 1899 году туберкулез вызывал страх. Это страх неведения, из которого возникают многочисленные фантазии. Туберкулез бушевал в Европе, словно чума, не щадя никого, тем не менее находились моралисты, утверждавшие, будто болезнь застает врасплох в основном чувствительных невротичных молодых людей и сбившихся с праведного пути девушек. К сожалению, никто не рассказывал о том, что страшная болезнь обостряет желание жить, и, если человек, по воле судьбы, излечился, он уже не упустит своего шанса в жизни.

Преодолев кризис, Дедо начал поправляться. Врачи были весьма осторожны. Они рекомендовали ему покой и отдых. Но как можно вести себя спокойно и отдыхать, если только что избежал смерти? Сейчас мы живы. Будем ли мы живы завтра? В любом случае надо спешить!

Пациент чувствовал, что должен удовлетворить свое желание – познать красоту, ее таинство, быть опьяненным ею, научиться порождать ее. Искусство звало художника.

Благодаря финансовой поддержке маминого брата Дедо понял, как ему повезло родиться итальянцем. Путешествие, столь необходимое для расширения кругозора молодого европейца, началось в 1901 году с Рима, где жил дядя. Рим оказался для Модильяни потрясением, которого он совсем не ждал. Об этом молодой человек поведал в письме к своему единственному на тот момент другу Оскару Гилья, художнику из мастерской Микели в Ливорно: Рим не просто вокруг, Модильяни почувствовал, будто семь холмов выросли прямо у него внутри, «словно семь основополагающих идей». Рим как идеальная палитра жизни Амедео; круг, в который заключены его мысли и где они проясняются.

Модильяни вовсе не мечтал увидеть Неаполь, но бронзовые статуи археологического музея, античные руины и церкви привели его в неописуемый восторг. Кто сумел заставить голову скульптуры так грациозно сидеть на шее? Откуда такое равновесие и совершенство объемов в сочетании с поразительной точностью линий? Всё это работа Тино ди Камаино, скульптора XIV века из Сиены. Знакомство с ди Камаино судьбоносно для вдохновленного и растерянного Модильяни, потому что приехал он в Неаполь, ощущая себя художником, а уехал, разглядев в себе скульптора. Каков же истинный путь? Для какого искусства Амедео действительно создан?

На берегах реки Арно Модильяни вновь не поверил своим глазам: он привил себе строгий, по-военному упорядоченный стиль Флоренции, словно вирус. Как Ницше, художник любому обществу предпочитал благотворную для великих душ изоляцию. Тем не менее, будучи хорошим товарищем, он делил мастерскую на улице Сан Галло с Гилья. В Свободной школе живописи обнаженной натуры Модильяни высмеивал подражателей, раздражал учителей, завораживал товарищей своим мастерством. Ему недостаточно воспроизводить линии, он желал над ними властвовать, их порождать. Вместо занятий он ходил в галерею Уффици и проводил там дни напролет, сосредоточенный и углубленный в себя настолько, что отвлечь его было страшно.

Во Флоренции Тино ди Камаино скрывается в музее Бардини. Второе потрясение Модильяни, еще более значительное, чем неапольское, – работа под названием «Любовь» (La Carita): мраморная великанша, кормящая грудью двух младенцев. У нее чрезмерно удлиненное лицо, прямой нос и мощная, словно колонна храма, шея. Модильяни открыл блокнот, интуитивно чувствуя, почти наверняка зная – идеальные линии прямо перед ним – голова и шея кормилицы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.